

ВИКТОРИЯ РЕВЕРИ

РОМАНТИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

НА ЕГО ТЕРРИТОРИИ

Самое опасное место —
не там, где тебя запирают.
А там, где ты добровольно остаёшься.

18+

Виктория Ревери

На его территории

«Автор»

2026

Ревери В.

На его территории / В. Ревери — «Автор», 2026

Закрытый остров. Миллиардер, о котором никто ничего не знает. И правило, которое нельзя нарушать. После скандального увольнения Ева Морель получает предложение, от которого здоровый человек отказался бы: работа врачом на частном острове Сент-Веспер. Огромная зарплата, роскошная вилла, океан вместо Нью-Йорка. И несколько условий: не задавать лишних вопросов, соблюдать правила, не заходить туда, куда не разрешено. Ева подписывает контракт, ещё не зная, что на Сент-Веспере каждый что-то скрывает. Включая хозяина — Александра Вейла. Холодный, властный, привыкший получать всё, он совсем не тот, с кем Ева могла бы поладить. Но чем дальше они держатся друг от друга, тем сильнее притяжение. А затем кто-то нарушает главное правило острова: происходит убийство. Остров заперт, связи нет, никто не уедет. Кто здесь жертва, кто убийца и почему именно Ева оказалась в центре этой игры? Иногда самое опасное место — не там, где тебя запирают, а там, где ты добровольно остаёшься. Диалогия. Книга 1

© Ревери В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Я ухожу по собственному	7
Глава 2. Вы должны отказаться	10
Глава 3. Она всё равно узнает	13
Глава 4. Вы носите с собой оружие?	16
Глава 5. Уже начинаю его недолюбливать	21
Глава 6. Кажется, мы нашли ещё одно правило	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Виктория Ревери

На его территории

Пролог

Выстрел на Сент-Веспере прозвучал в двадцать три сорок семь.

Короткий, сухой, почти будничный — так захлопывается дверца дорогой машины. Звук утонул в музыке, что лилась из большого зала, растворился в звоне бокалов и негромком смехе гостей. Но на острове, где за огромные деньги покупали тишину, даже один-единственный выстрел мог обойтись дороже целого состояния.

А вечер до этой секунды был безупречен.

На террасах мягко горели фонари. В чёрной воде покачивались пришвартованные яхты, рассыпая по морю дрожащие золотые отражения. Официанты скользили между гостями бесшумно, как тени, наполняя бокалы шампанским, а из распахнутых дверей большого зала текла музыка — тягучая, ленивая, дорогая.

Здесь собрались люди, привыкшие покупать то, чего не купишь в обычном мире: влияние, безопасность, чужое молчание.

Ради этого Сент-Веспер и существовал. И у острова было всего одно правило, которое знал каждый гость.

На Сент-Веспере не убивали. Никогда.

Мужчина на террасе замер. Поначалу никто даже не понял, что произошло. Он прижал ладонь к груди, словно пытался удержать внезапную боль, а на белой рубашке уже расплзлось тёмное пятно — медленно, почти лениво. В другой руке он всё ещё сжимал бокал.

Шаг. Второй. Бокал выскользнул из пальцев и разбился о мрамор, брызнув осколками. А следом мужчина перевалился через край террасы и рухнул вниз — прямо ко входу в большой зал.

На несколько секунд мир застыл. Но музыка продолжала играть.

Кто-то так и держал бокал у самых губ. Кто-то ещё улыбался, не успев понять, почему рядом вдруг стало тихо. А потом раздался первый крик — и Сент-Веспер взорвался.

Гости бросились кто куда. Одни жались к колоннам и тяжёлой мебели, другие ломились к выходам. Кто-то опустился прямо на пол, закрыв голову руками. Женщина в серебристом платье забилась в угол и судорожно хватала ртом воздух. Несколько человек кричали, требуя охрану.

А кто-то просто сидел. Неподвижно. С широко раскрытыми глазами.

Потому что люди на Сент-Веспере могли вынести многое. Здесь воровали миллионы. Уничтожали репутации. Исчезали документы, люди и целые жизни.

Но убийство?

Нет.

Не здесь.

Двери кабинета Александра распахнулись раньше, чем охрана успела доложить о случившемся. Он вышел быстро, почти не глядя по сторонам, и уже через несколько секунд стоял у террасы. Толпа расступалась сама. Не потому, что он просил. Потому, что все знали, кто он.

Уильям был уже у тела и короткими, резкими фразами отдавал приказы. Сотрудники службы безопасности смыкали кольцо, не подпуская гостей ближе.

Александр остановился рядом. Взгляд скользнул по мрамору, по осколкам бокала, по белой рубашке, пропитанной кровью насквозь.

— Где доктор Морель? — спросил он.

Первое, что пришло в голову. И совсем не то, что должно было.

Уильям обернулся. Впервые за весь вечер с его лица исчезло привычное спокойствие.

— Среди гостей её нет, сэр.

Александр ничего не ответил. Достал телефон и нажал одну-единственную кнопку.

Гудок. Второй. Третий.

Ева не отвечала.

Он сбросил вызов. Ненадолго задержал взгляд на погасшем экране, а когда поднял глаза, они стали ледяными.

— Закрыть остров.

Уильям едва заметно напрягается.

— Но, сэр...

— Никто не покинет Сент-Веспер без моего разрешения.

— Понял.

Александр снова посмотрел на тело. В зале наконец стихла музыка. Вокруг стояли десятки людей — у каждого своя тайна, свой страх и свой возможный мотив. И среди них не было ни одного, кого он мог бы вычеркнуть.

А потом в голове прозвучала мысль. Страшная именно своей простотой.

Правило нарушено.

На Сент-Веспере не убивали.

До этой ночи.

Глава 1. Я ухожу по собственному

Ева Морель

День с самого утра не обещал ничего приятного. За окном бесновался ураган, и, словно этого было мало, впереди ждала комиссия — финал целого месяца проверок, допросов и косых взглядов в коридорах моей собственной больницы.

Я шагаю сквозь стену дождя к зданию клиники, и ветер так и норовит вырвать зонт из рук. Через час мне объявят окончательное решение: оставят ли меня хирургом, задвинут на должность пониже или вовсе выставят за дверь.

Я всегда мечтала стать первоклассным хирургом. Спасать жизни, открывать то, что медицина ещё не успела открыть. И у меня почти получилось.

Мне всего двадцать семь, но благодаря упрямству, хорошему образованию и, признаться, доле удачи я уже оперирую VIP-пациентов в частной клинике, а моё имя периодически мелькает в прессе рядом с громкими словами вроде «прорыв» и «выступление на международной конференции».

Но удача — дама капризная. Она всегда уходит первой.

Вы, наверное, спросите, что же я такого натворила, чтобы оказаться здесь?

Ничего.

Хотя стоило драться за своё место: отстаивать права, доказывать невиновность, кричать. Только что может обычный хирург против системы частной клиники, где деньги — это не просто плата за операцию или палату?

Здесь деньги — это власть. Конфиденциальность. Право диктовать условия.

А когда всё это есть и у человека, и у целой больницы, правда перестаёт быть весомым аргументом.

Конференц-зал встречает меня гулкой тишиной. За длинным столом уже расположились руководство, несколько врачей и юристы с одинаково непроницаемыми лицами. Я занимаю место напротив — как на скамье подсудимых, только с более удобным креслом.

И, конечно, она. Главный хирург. Та самая стерва, которой я в последнее время слишком бодро наступала на пятки.

Мне кажется, она попросту испугалась: однажды я и правда могла занять её кабинет. Поэтому сыграла на опережение и попросила своего влиятельного отца помочь избавиться от конкурентки. До руководства «случайно» дошла информация о том, что я тайно выдавала влиятельным пациентам препараты, не назначенные ни одним врачом и нигде не значившиеся в документации. Якобы «хорошее успокоительное».

Хотя, если говорить начистоту, скорее нечто, способное слегка туманить сознание.

Спасибо, что хотя бы никого не убила — по их сценарию.

Стерва едва заметно усмехается — так, чтобы никто, кроме меня, не увидел, — и подмигивает. Мол, решение уже принято.

Судя по её сытому, довольному лицу, явно не в мою пользу.

Я отвечаю улыбкой. Широкой, открытой, почти беззаботной. Пусть думает, что победила.

Каким бы ни оказался вердикт, я знаю себе цену. И, главное, знаю правду: ничего из того, за что меня здесь судят, я не делала. А правда, как известно, рано или поздно всплывает. Даже с самого дна.

Из мыслей меня вырывает чей-то голос:

— Доктор Морель, по итогам расследования, проведённого больницей совместно с аудиторским отделом, принято решение отстранить вас от должности хирурга и прекратить вашу работу с VIP-пациентами. Однако, учитывая ваши заслуги и профессиональный опыт, руководство готово предложить вам должность врача в отделении неотложной помощи.

Мужчина выдерживает паузу, давая мне время в полной мере прочувствовать щедрость этого предложения.

— Разумеется, перевод повлечёт изменения в условиях труда, размере заработной платы и юридическом статусе должности. Что скажете?

Я не удивлена. Лили — моя лучшая подруга и по совместительству кардиолог нашей клиники — ещё неделю назад предсказала: руководство не захочет терять хорошего врача, но и оставлять его рядом со стервой не станет. Предложат что-нибудь подальше и, желательно, пониже.

А что я должна ответить? «Да-да, меня всё устраивает, ничего страшного не произошло, решение ведь совершенно не куплено»? Смешно.

Я медленно обвожу взглядом стол. На секунду задерживаюсь на главном хирурге. Она всё ещё улыбается. Тогда я спокойно говорю:

— Я уйду по собственному.

В зале повисает ещё бо́льшая тишина. Густая, как сироп. Они ждали слёз, торга, скандала — чего угодно, кроме того, что я просто встану и выйду. Лица за столом меняются одно за другим, и это, пожалуй, самое приятное, что случилось со мной за последний месяц.

Я в последний раз улыбаюсь стерве и выхожу, ни разу не обернувшись.

За дверью меня уже караулит Лили — растрёпанная, с горящими глазами — и тут же засыпает вопросами:

— Ну? Ты остаёшься? Что они предложили? Кто-нибудь наконец понял, что они идиоты и всё это подстроено?

Я слушаю её тираду с улыбкой, а потом обнимаю — крепко-крепко. Именно Лили весь этот месяц держала меня на плаву: поднимала настроение, вытаскивала из бесконечной рутины и не давала утонуть в бумагах.

— Мне предложили неотложку, представляешь? — усмехаюсь я ей в плечо. — Какая щедрость!

Лили отстраняется и смотрит на меня, уже догадываясь, что будет дальше.

— Но я уйду. Как и говорила неделю назад.

Она обнимает меня ещё раз и тащит пить кофе.

В нашей больнице есть всё, что нужно состоятельным людям для комфортного выздоровления и привычной роскошной жизни: уютные кафе и рестораны, комнаты для переговоров, просторные залы, фитнес-клуб, тихие гостиные для родственников, терраса на крыше и даже маленький сад. Пока мы идём по коридору к лифтам, я вдруг понимаю, что больше никогда здесь не пройду, не поднимусь на крышу и не закажу кофе в этой самой кофейне.

Утром я мечтала лишь о том, как скорее отсюда сбежать. А теперь, когда всё закончилось, мне почему-то жаль. Так всегда и бывает: настоящую цену привычным вещам понимаешь только тогда, когда они исчезают.

Я заказываю кофе и выхожу на террасу — несколько столиков под навесом и глубокий диван, на который я тут же падаю. Ураган за это время выдохся: ветер стих, дождь сменился редкой моросью, а в разрывах серых туч мелькает бледное небо. С кромки навеса ещё срываются тяжёлые капли.

Пока Лили выбирает десерт, делаю первый глоток и впервые за месяц позволяю себе просто выдохнуть.

С сорок третьего этажа Нью-Йорк кажется завораживающим. Каменные джунгли, крошечные точки машин и людей, далёкие гудки, долетающие даже сюда, и этот особый дух вечного движения. В шуме и бешеном ритме этого города невольно начинает казаться: тебе по силам всё. Стоит только захотеть — и весь мир у твоих ног.

Я смотрю вниз, на город, и в этот момент чья-то рука касается моего плеча.

Вздрагиваю.

Рядом садится мужчина и протягивает мне папку, внимательно следя за моей реакцией. Я не сразу понимаю, что происходит и кто он такой, поэтому начинаю изучать его сама.

Высокий, молодой. Безупречно сидящий классический костюм, аккуратно уложенные волосы, идеально выглаженная рубашка. Он выглядит как человек, привыкший к тому, что перед ним открываются любые двери.

Видимо, какая-то шишка.

— Здравствуйте, Ева, — мягко произносит он. — Меня зовут Уильям. Я пришёл к вам с предложением.

— Если оно связано с продажей органов, предупреждаю: я хирург и прекрасно знаю, насколько они мне нужны.

Уильям смеётся, но не отвечает. И мне почему-то становится не по себе. Слишком уж спокойно он держится — как человек, который заранее знает, чем закончится разговор.

Он кладёт папку мне на колени. Она неожиданно тяжёлая — с твёрдым, плотным переплётом, как у дорогого фотоальбома. Странно для нескольких листов бумаги.

— Откройте её, когда будете одна. Изучите бумаги — там всё написано. Больше я, к сожалению, ничего сказать не могу. Таково поручение.

— Чьё поручение? — спрашиваю я, всё отчётливее чувствуя, что это не случайность.

— Неважно, — отрезает он.

Поднимается с дивана, поправляет пиджак и достаёт из внутреннего кармана небольшую чёрную визитку.

— Но вот это вам пригодится.

На картонке всего три строки:

Уильям Харрис

Управляющий по особым вопросам

«Сент-Веспер»

Несколько секунд я молча смотрю на визитку, пытаюсь понять, что в ней меня настораживает. Название ничего мне не говорит. Но по спине почему-то ползёт неприятный холодок.

— И чем именно вы занимаетесь? — наконец спрашиваю я.

Уильям едва заметно улыбается.

— Всем, о чём мистер Вейл предпочитает не говорить сам.

Я поднимаю глаза, но его уже нет. Несколько секунд — и он растворился в толпе так же внезапно, как появился. Ни следа, ни тени: его здесь вообще никогда не было.

Я прячу визитку в сумку и снова смотрю на папку. Открою дома, без лишних глаз. И не потому, что так велел какой-то Уильям Харрис, а потому, что сама этого хочу. Дома можно будет спокойно сосредоточиться, когда отпустит после решения комиссии. Да и у Лили не появится лишних вопросов.

Кстати, вот и она. Возвращается с двумя чизкейками.

— Но я не люблю сладкое, Лили, — напоминаю я.

— Тогда съем оба, — ехидно шурится она.

— Не дождёшься.

Я смеюсь и тут же отбираю вторую тарелку.

Пока мы наслаждаемся редкими минутами покоя, замечаю, что Лили то и дело на меня поглядывает. Я прекрасно знаю, о чём она хочет спросить: что я собираюсь делать дальше. Но я сама пока понятия не имею. Может, отдохну. Может, начну искать что-то новое. А может, сделаю что-нибудь совершенно неожиданное.

— Лили, солнце, не испепеляй меня своим хитрым взглядом, — не выдерживаю я. — Знаю, что ты волнуешься, но со мной всё хорошо. А что будет дальше — знает только судьба.

Я делаю глоток кофе.

— И дай бог, чтобы на этот раз она оказалась не злодейкой.

Глава 2. Вы должны отказаться

Ева Морель

Домой я возвращаюсь усталой, всё ещё звенящей от напряжения, но почему-то — почти окрылённой. Разбирательство осталось позади. Оно получило развязку, поставило точку там, где слишком долго стояло многоточие, и больше не имеет права меня беспокоить.

По крайней мере, пока правда не напомнит о себе.

А у правды есть странная, почти пугающая привычка — рано или поздно находить дорогу наружу. Всё, что люди пытаются спрятать, однажды становится видимым. Иногда случайно. Иногда слишком поздно. Но неизбежно.

Я скидываю туфли, которые успели невыносимо натереть ноги, и тяжёлое мокрое пальто, а сумку бросаю на стол в гостиной. Молния тут же расходится, и всё содержимое высыпается наружу: документы, банковские карты, ключи, телефон.

И папка.

Та самая, которую мне отдал незнакомец. Хотя называть его незнакомцем, пожалуй, уже неправильно: он представился и даже оставил визитку. И всё же я изо всех сил пытаюсь выбросить его из головы — вместе со всем этим днём.

Сейчас мне нужно одно: горячий душ, чтобы смыть с себя усталость, и тишина. По крайней мере, я убеждаю себя в этом.

Но пока вода стекает по плечам, я думаю только о папке и об этом загадочном мужчине. Кто он? Кто его прислал? Почему именно я? И зачем вся эта таинственность — «откройте, когда будете одна»?

Выйдя из душа, я закутываюсь в халат, натягиваю любимые махровые носки, которые когда-то подарила Лили, и возвращаюсь в гостиную. Сажусь на диван, беру папку и какое-то время просто на неё смотрю.

Странное ощущение. Обычная чёрная папка. Никаких предупреждений и угроз, ни намёка на «не открывай меня». И всё же именно она за весь день вызывает у меня больше всего тревоги.

Наконец я открываю её.

Внутри несколько документов. Сверху — контракт на три месяца, который, судя по всему, ждёт только моей подписи. За ним — несколько страниц с непонятным сводом правил. Я быстро пробегаю глазами основные пункты контракта и почти сразу выхватываю главное.

Огромная зарплата. Частная клиника. Частный остров. Закрытая территория.

Я перечитываю условия и ищу подвох. Он должен быть. Такие предложения просто не бывают нормальными.

Внизу первой страницы контракта, мелким шрифтом, значится работодатель: Александр Вейл. То самое имя, которое Уильям обронил на террасе.

Вместо того чтобы вчитаться в документы, я открываю ноутбук и пробиваю в поиске сначала «Сент-Веспер», потом имя. Остров находится лишь в закрытых каталогах, без единой фотографии. С Александром Вейлом всё немного проще: информации достаточно, но почти вся о бизнесе.

«Александр Вейл, 32 года. Владелец сети отелей, частной авиации, инвестиционных фондов и нескольких технологических компаний».

Ни биографии, ни интервью, ни фотографий со светских мероприятий. Ни намёка на личную жизнь. Словно Александр Вейл существует только там, где это необходимо, и о нём знают лишь те, кому позволено знать.

Я откидываюсь на спинку дивана и смотрю на светящийся экран.

Человек что-то скрывает. Или вынужден скрываться. А может, я просто накручиваю себя. Не каждый богач мечтает о заголовках, социальных сетях и демонстрации своей жизни на весь мир. Возможно, он просто не любит внимания. Мне очень хочется в это верить.

Взгляд снова падает на папку.

Нет.

Не хочу я во всё это ввязываться.

Я не люблю загадки. Люблю, когда мне сразу дают ответы. Наверное, поэтому я почти не сомневаюсь, что подставила меня именно та стерва, а не кто-то другой. Всё изучать до мелочей — документы, обстановку, людей — моя профессиональная привычка, даже необходимость. Я должна быть внимательной и замечать то, что другие пропускают. От этого порой зависит диагноз. А иногда — чья-то жизнь.

Поэтому странные совпадения я вижу особенно хорошо. И сейчас их слишком много.

Я закрываю папку.

Откажусь. Найду место в городской больнице и буду лечить обычных людей. С меня хватит влиятельных персон, секретности, загадочных предложений и прочей белиберды.

Осталось только написать Уильяму и сказать твёрдое «нет».

Я уже почти захопываю ноутбук, когда тишину пререзает короткий писк телефона. Беру его. Сообщение с неизвестного номера.

«Вы должны отказаться, доктор Морель. А если нет — просто убедитесь, что готовы к тому, что произойдёт после».

Читаю. Раз. Другой. Третий. И постепенно до меня доходит неприятная вещь.

Тот, кто это отправил, знает, что я открыла папку. Не предполагает. Не догадывается. Знает.

По спине пробегает холод.

Я медленно поднимаю глаза и оглядываюсь. В квартире тихо. Слишком тихо. Гудит холодильник, где-то далеко за окнами шумят машины, и всё.

Я встаю. Сначала проверяю гостиную, потом кухню, спальню, ванную. Комнату за комнатой. Медленно, стараясь не издавать ни звука, хотя вряд ли кто-то и вправду может услышать мои шаги.

Сама не понимаю, чего жду. Незнакомца в тёмном коридоре? Открытой двери? Разбитого окна? Человека, который спокойно наблюдает за мной из-за угла?

Заглянув в последнюю комнату, я наконец позволяю себе выдохнуть. Пусто. Выхожу на террасу. Только ночной город, редкие огни в окнах соседних домов и прохладный ветер, треплющий край халата.

Возвращаюсь и запираю дверь. Ощущение не исчезает. Кто-то прямо сейчас смотрит на меня.

Я не знаю кто, не знаю откуда и как близко он стоит. Но главный вопрос другой: что произойдёт, если я откажусь?

Первым порывом хочется написать что-нибудь злое. Послать этого человека куда подальше и забыть. Но я не могу. Пальцы висят над экраном.

Помните, я говорила, что не люблю загадки? Беру свои слова обратно.

Внутри медленно поднимается тревога — знакомая любому врачу. Когда внешне всё выглядит нормально, но где-то глубоко уже звенит маленький тревожный колокольчик.

Я хватаю папку и листаю её страницу за страницей, ища хоть что-нибудь: пометку, записку, чужой отпечаток. Ничего. Только корешок кажется слишком жёстким, а бумага — слишком плотной и гладкой, до неприличия дорогой. Наверное, так теперь оформляют конракты на частные острова.

Перевожу взгляд с телефона на чёрную папку и обратно. И признаюсь себе: мне страшно. Не настолько, чтобы паниковать. Но достаточно, чтобы впервые за этот день усомниться в собственном решении.

И вдруг понимаю простую вещь: тот, кто следит за мной, никуда не денется, если я скажу «нет». Отказ не вернёт мне прежнюю жизнь. Он просто оставит меня одну, за дверью с обычным замком, рядом с человеком, которому я зачем-то мешаю. А на острове хотя бы есть охрана, и я буду знать, откуда ждать удара.

К тому же я терпеть не могу, когда мне говорят, что я должна.

Нахожу в контракте номер Уильяма и открываю пустой чат. Долго смотрю на поле для сообщения. Мне всё ещё хочется закрыть чат, выключить телефон, забыть этот вечер и вернуться в нормальную жизнь, где самая большая проблема — сложная операция или слишком длинная смена.

Но я знаю, что уже не получится. Что-то изменилось.

И, кажется, случилось это в тот момент, когда я взяла в руки эту чёртову папку.

Я снова смотрю на экран.

А затем набираю всего два слова:

«Я согласна».

Глава 3. Она всё равно узнает

Александр Вейл

Поздний вечер, но работа на острове не заканчивается вместе с приёмами и последними гостями. В одном из административных корпусов Сент-Веспера горит свет, а за закрытыми дверями моего кабинета идёт очередное совещание.

Передо мной сидят трое: управляющий островом Райан Фостер, начальник службы безопасности Мартин Крейн и юрист Даррелл Шарп. Мы снова разбираем одну из проблем, которые почему-то всегда возникают именно тогда, когда кажется, что всё наконец работает безупречно.

На этот раз босс одной известной итальянской мафии пытается провести на остров человека без разрешения.

Это не входит в мои правила.

Я знаю каждого, кто ступает на землю Сент-Веспера. Знаю, где он остановится, с кем встретится, сколько пробудет и когда уедет. Мне известны все маршруты, закрытые зоны и каждый угол этого места.

Потому что это мой остров.

Здесь нет чужих законов, особых условий и неприкосновенных имён. И уж точно нет исключений — даже для людей, привыкших получать всё, чего они захотят.

Юрист предлагает срочно оформить документы и выдать разрешение. Речь ведь о влиятельных людях, а такие редко слышат слово «нет».

Он ошибается лишь в одном. Мне всё равно, насколько они влиятельны.

— Выдать разрешение? — переспрашиваю я, глядя ему прямо в глаза.

Юрист торопливо кивает и тут же отводит взгляд.

Нервничает.

Правильно.

— Нет. Въезд закрыт. Для него самого и для его людей.

Юрист открывает рот, но я поднимаю взгляд, и этого оказывается достаточно.

— Можете оформить всё как предлагали, — добавляю я спокойно. — Тогда через неделю мы будем обсуждать последствия вашего решения. Или сделаете так, как сказал я, и больше не вернётесь к этому вопросу.

В кабинете повисает тишина. За окнами мерцают огни острова, где несколько часов назад звучала музыка и текло шампанское, а гости не подозревали, что за закрытыми дверями решаются вопросы, способные перечеркнуть их планы на ближайшие месяцы.

Повторять дважды мне не приходится.

— Есть ещё вопросы?

— Нет, босс.

Все трое встают. Юрист бледнеет, управляющий кивает с явным облегчением. Только Крейн не выказывает ничего: ни удивления, ни недовольства. Он даже не смотрит на меня — его спокойный, внимательный взгляд остаётся на юристе. Уже у двери я ловлю себя на мысли, что не могу вспомнить, когда в последний раз Крейн чему-нибудь удивлялся.

Дверь закрывается, и я остаюсь один.

На столе ждёт ещё стопка документов. Я возвращаюсь к работе: пролистываю отчёты, ставлю подписи там, где нужно. В тишине слышно только шуршание бумаги и шёпот волн за стеклом.

Телефон вспыхивает на столе. Уильям Харрис. Я не люблю, когда меня отвлекают, но этот звонок принимаю сразу.

— Да.

— Она согласилась, — говорит Уильям без предисловий.

Я откладываю ручку и подхожу к окну. С высоты огни острова кажутся почти игрушечными: россыпь тёплых точек вдоль побережья отражается в чёрной воде, а где-то далеко покачиваются огни яхт.

Всё спокойно.

Так, как и должно быть.

— Быстро, — наконец произношу я.

— Очень.

Несколько секунд я молча смотрю в темноту.

— Есть ещё кое-что, — добавляет Уильям. — Снова сообщение. Номер скрыт.

— Что написали?

Он выдерживает паузу.

— «Она всё равно узнает».

Я медленно перевожу взгляд на своё отражение в стекле.

— Отправителя выяснили?

— Пока нет.

Уильям замолкает, и я сразу понимаю, что он собирается сказать дальше.

— Ты уверен, что хочешь продолжать?

Уголок моих губ едва заметно ползёт вверх.

— Я не меняю решений из-за чужих сомнений.

— Дело не в моих сомнениях.

Я обрываю звонок. Уильям знает меня достаточно давно, чтобы не продолжать этот разговор.

Возвращаюсь к столу, открываю нижний ящик и достаю папку, которую оставил там несколько часов назад. На обложке всего два слова:

Ева Морель.

Двадцать семь лет. Хирург. Частная клиника в Нью-Йорке. Безупречная подготовка, хорошая репутация, несколько серьёзных рекомендаций от коллег.

Ничего необычного. По крайней мере, на первый взгляд.

Она действительно хороша. Достаточно хороша, чтобы выбирать. Правда, сегодня выбор у неё был небогатый: комиссия, вердикт, унижительное предложение уйти в неотложку. Но даже после такого дня люди обычно просят время подумать, наводят справки, торгуются. Она — нет. Просто сказала «да».

Ничего, что объяснило бы, почему женщина с безупречной карьерой не взяла даже дня на раздумья.

Я останавливаюсь на одной из страниц. Строка выделена отдельно:

«Не умеет молчать, если считает решение врача опасным для пациента».

Вот это уже интересно. Большинство людей отлично умеют промолчать — особенно когда перед ними тот, от кого зависят работа, деньги и будущее. Они соглашаются, кивают и делают вид, что ничего не заметили, лишь бы сохранить собственное спокойствие.

Ева Морель, судя по всему, — нет.

Я переворачиваю лист. На нём ещё одна запись:

«Инцидент — Нью-Йорк. Пациент: мужчина, имя скрыто».

Задерживаю взгляд на этих словах. Потом вспоминаю краткое описание дела. Она спасла человека, которого должны были убить.

Я откидываюсь в кресле и смотрю на её фотографию. Спокойное лицо. Обычный снимок для личного дела. Ничего, что объяснило бы, почему женщина с безупречной карьерой согласилась на предложение, которое нормальный человек сначала попытался бы проверить.

Это не похоже на того, кто привык принимать решения вслепую.

А значит, либо мне чего-то не сказали, либо я пока не понимаю её мотивов.
В любом случае я это выясню.

Глава 4. Вы носите с собой оружие?

Ева Морель

Мне дают неделю.

Неделю на то, чтобы закрыть все дела, попрощаться с друзьями и собрать вещи. И на то, чтобы подписать контракт, чего я, конечно, не делаю. По крайней мере, пока. Правда, они, кажется, об этом не знают.

Если только за мной не следят.

А в этом я уже не уверена.

Пару дней уходит на больницу: заявление об увольнении, подписи под всем, что требуется, прощания с коллегами, к которым я успела привязаться. Кто-то удивляется моему решению, кто-то пытается отговорить, кто-то просто желает удачи, не задавая лишних вопросов.

Ещё два дня я провожу в доме родителей вместе с Лили. Потому что мама, папа и лучшая подруга всегда обнимут и скажут, что всё будет хорошо. А у мамы всегда найдётся еды на небольшой семейный праздник.

И вот уже вечер пятницы.

Я стою посреди гостиной с раскрытым чемоданом и пытаюсь понять, сколько одежды нужно человеку, который отправляется на три месяца работать на частный остров.

Завтра за мной приедет машина, — сообщает Уильям.

Прямо бизнес-класс. Я уже даже чувствую себя не врачом, а одной из тех VIP-персон, которых обычно спасаю.

Мысль о трёх месяцах не даёт покоя. Вместо стабильной работы, где я могла бы остаться хоть на всю жизнь, у меня контракт на три месяца. Что я делаю не так? А потом что — искать работу заново? Или найдётся очередной внезапный человек с очередной папкой? И так каждые три месяца: новый контракт, новый человек и, не дай бог, новый остров. Глядишь, когда-нибудь острова просто закончатся.

Но сейчас не об этом. Что взять с собой?

Куда именно меня везут, в бумагах не сказано, но частный остров вряд ли окажется где-нибудь в Арктике. Значит, платьев нужно много. С другой стороны, я еду работать, а не отдыхать, так что в чемодан отправляются ещё несколько спортивных костюмов, джинсы, футболки и кроссовки.

И тут я натыкаюсь на то самое платье.

Вытаскиваю его из шкафа и несколько секунд просто смотрю. Купила год назад, но так ни разу и не надела. Не было повода. Чёрный атлас, открытая спина, откровенное декольте и длина почти до щиколоток. К нему когда-то нашлись и лаковые чёрные туфли с золотой пряжкой на мыске, которые тоже пылятся без дела.

— Ладно, — решаю я, невольно улыбаясь. — Возьму. Вдруг жизнь на острове окажется интереснее, чем я думаю.

Закрыв чемодан и поставив его у двери, я плюхаюсь на диван и снова беру папку. На этот раз собираюсь изучить правила как следует. А их, чёрт возьми, очень много.

Первый пункт я уже знаю.

1. *Срок — 3 месяца.* С возможностью продления по соглашению сторон. Размер заработной платы значительно превышает доход, который сотрудник получал на предыдущем месте работы.

Хотя бы здесь без сюрпризов. Впрочем, сумма настолько велика, что я до сих пор не понимаю, за что мне собираются столько платить. Я хирург, а не человек, способный одним своим присутствием спасти остров от краха.

Переворачиваю страницу.

2. *Полная конфиденциальность.* Запрещено разглашать личности гостей, диагнозы, сведения о лечении и любую другую информацию, полученную во время пребывания на Сент-Веспере.

Логично. Раз остров закрытый, а гости, судя по всему, не самые простые, конфиденциальность имеет значение.

3. *Право на медицинскую автономию.* Сотрудник самостоятельно определяет необходимое лечение и не обязан выполнять распоряжения администрации, если они противоречат медицинским показаниям.

Вот это мне нравится. Диктовать мне, как лечить, никто не сможет. Один из немногих пунктов, с которыми я согласна безоговорочно.

4. *Медицинская клиника работает круглосуточно.* Врач обязан быть доступен в любое время в случае чрезвычайной ситуации.

Я перечитываю его снова и начинаю прикидывать. Получается, я буду практически единственным врачом на острове? А если случится что-нибудь серьёзное? Отравление, травма, аллергическая реакция, медицинская катастрофа? Мне что, следить за всеми сразу?

Я отгоняю эти мысли. Я уже согласилась. Поздно задавать вопросы.

5. *Передвижение по острову.* Доступ к некоторым зонам ограничен. Для посещения закрытых объектов требуется разрешение службы безопасности.

Для частного острова — вполне разумно.

6. *Запрет на самостоятельный выезд.* Во время пребывания на острове транспорт предоставляется администрацией. Покинуть Сент-Веспер можно только согласованным рейсом.

Я хмурюсь. То есть просто вызвать водное такси и уехать я не смогу? Ладно. Допустим.

7. *Оружие и безопасность.* Гостям запрещено иметь оружие без специального разрешения. Персонал обязан соблюдать протоколы безопасности.

Оружие?

Я задерживаю взгляд на этом пункте. Разве кто-то в здравом уме везёт оружие на курорт? Люди же приезжают просто отдохнуть. По крайней мере, я так думала.

Короткий писк телефона выдёргивает меня из чтения. Новое сообщение.

«Последний шанс отказаться».

Несколько секунд я смотрю на экран, а потом всё-таки печатаю:

«Спасибо за заботу».

Ответа нет.

Я откладываю телефон и возвращаюсь к бумагам, но читаю уже по инерции. Юридические формулировки сливаются в бесконечный поток, глаза устают, и я несколько раз ловлю себя на том, что перечитываю одну и ту же строчку. Почти машинально переворачиваю страницу.

Вопросов становится ещё больше. Ответов, как всегда, нет.

«В случае чрезвычайной ситуации администрация Сент-Веспера вправе временно ограничить свободное перемещение персонала и отдыхающих в целях обеспечения безопасности».

Перечитываю дважды. «Временное ограничение свободного перемещения». Красивый способ сказать: «Мы можем запереть вас на острове». Прекрасно. И я сама туда собралась.

Но это ещё не всё.

«Работодатель оставляет за собой право досрочно расторгнуть контракт без объяснения причин».

Я уже готова возмутиться, но следующий пункт заставляет выдохнуть:

«Сотрудник также вправе расторгнуть контракт в любое время, уведомив администрацию за 24 часа».

Всего двадцать четыре часа. Значит, если мне что-то не понравится, я просто уеду. По крайней мере, формально.

Вопросов у меня уже больше, чем ответов, и вся эта история пахнет чем-то опасным. Настолько, что я вполне могу прилететь завтра, осмотреться и в тот же час отправить уведомление о расторжении. А через сутки быть свободной. Если, конечно, меня отпустят: пункт шестой на этот счёт вызывает у меня вопросы.

Ещё одна страница. Ещё несколько пунктов, не менее странных, но у меня уже нет сил вникать в каждую формулировку. Я беру ручку и подписываю. Если уж я собираюсь туда ехать, пусть всё будет официально.

Закрываю папку, убираю на стол и наконец иду спать.

Завтра меня ждёт остров.

И, судя по всему, очень много сюрпризов.

* * *

Утро субботы выдаётся солнечным, и я сразу решаю, что это хороший знак.

Часы показывают десять, а машина приедет в двенадцать. Времени достаточно, чтобы принять душ, позавтракать и собраться.

Но сначала кофе. Без него день пойдёт насмарку, даже если на улице солнце. А если солнце и кофе — то лучше уже и быть не может.

Я иду на кухню и нажимаю на кофемашине кнопку «Латте». Она привычно принимается шуметь. Пока варится кофе, я думаю, что на острове, скорее всего, почти всегда солнечно. И кофе там тоже должен быть. Вот уже два плюса. Можно ехать.

С чашкой в руках выхожу на террасу. Всё-таки стоит попрощаться с городом.

Я живу в Бруклине. Светлая большая квартира, панорамные окна, просторная терраса — всё это результат работы в одной злосчастной клинике, которая когда-то позволила мне перестать постоянно думать о деньгах.

До определённого момента.

Но об этом мы пока забудем.

Я смотрю на дома напротив, на улицы, по которым уже кто-то спешит, на привычный шум Нью-Йорка, который раньше казался просто фоном. Я прожила здесь несколько лет и никогда не задумывалась, как сильно способна скучать по этому району, по маршруту до работы, по жизни, которую так легко решила оставить на три месяца.

Допив кофе, я мчусь в душ и одеваться: моя задумчивая натура снова потеряла кучу времени. До машины остаётся час.

Сегодня на мне облегающие светло-голубые джинсы, белый корсет и мюли. Несмотря на профессию, в которой я большую часть времени хожу в хирургическом костюме и кроксах, я люблю красиво одеваться. Поэтому в последний момент вытаскиваю из чемодана пару спортивных костюмов и докладываю юбки, открытые топы и красивую, но удобную обувь.

Время пролетает мгновенно. Телефон пищит:

«Машина уже здесь».

Почти сразу раздаётся звонок в дверь, и я подпрыгиваю. Смотрю в глазок. Уильям.

— Я пришёл помочь вам с багажом, мисс Морель, — мягко улыбается он.

Я благодарю и отдаю чемодан, а сама возвращаюсь в гостиную за сумкой. Чёрную папку кладу поверх вещей, не в чемодан: вдруг договор пригодится в самолёте. На пороге оглядываюсь: знакомые стены, диван, где я провела столько вечеров, книги на полке, кружка, забытая на кухне.

Всё выглядит как обычно. И от этого почему-то грустно.

— Увидимся через три месяца, — тихо говорю я.

Не знаю, зачем сказала это вслух. Наверное, просто хочется верить, что именно так и будет.

Внизу нас ждёт машина. И не какая-нибудь.
Майбах.

Личный водитель открывает заднюю дверь. Я не спорю и опускаюсь на кожаное сиденье. Уильям укладывает чемодан в багажник, садится вперёд, и мы трогаемся к аэропорту.

Я, конечно, не выдерживаю и начинаю искать ответы на вопросы, которые не давали мне покоя вчера и не отпускают сегодня.

— Уильям, вы носите с собой оружие?

Начинаю без уловок. Если спрашивать, то так, чтобы собеседник не успел заготовить красивый ответ.

— Это не тот вопрос, на который я вправе отвечать, мисс Морель, — говорит он не сразу.

В голосе впервые проскальзывает что-то похожее на осторожность. Я довольно киваю. Уклончивый ответ иногда красноречивее прямого.

— А ваш хозяин... руководитель. Или, точнее, босс? Он женат?

Слова вылетают неожиданно даже для меня самой. Не дав ему опомниться, я тороплюсь добавить:

— Просто хочу больше узнать о будущем работодателе. В интернете о нём почти ничего нет.

Уильям едва заметно улыбается, поворачивается и несколько секунд молчит, решая, насколько прямой ответ я заслуживаю.

— Предлагаю вам спросить у него самого.

На этом разговор заканчивается. Остаток пути мы едем в тишине.

* * *

В аэропорту нас встречает другой человек и ведёт к одному из частных самолётов.

Стоп.

Что?

Частный самолёт?

— Мы летим на этом? — вырывается у меня раньше, чем я успеваю подумать.

Рядом раздаётся тихий смешок. Уильям снова улыбается. Вообще, он хоть когда-нибудь бывает без улыбки? Ну, если не считать разговоров о его боссе.

Я качаю головой и поднимаюсь на борт.

Полёт проходит спокойно. Экипаж приветливый и обращается ко мне по имени. Что странно, ведь я его не называла. Хотя, с другой стороны, частный самолёт. Наверняка здесь все всё знают.

Через некоторое время мне приносят латте.

— Спасибо, — удивлённо говорю я, принимая чашку.

Какая неожиданная забота. Я ничего не просила и даже не упоминала, что люблю именно латте и терпеть не могу остальной кофе. На таких рейсах обычно предлагают алкоголь. Я почти не пью, но откуда им знать, что лучше принести именно латте?

Я делаю глоток и смотрю на чашку.

Меня что, изучали? Вопрос неприятный. А ответ на него мне уже кажется очевидным.

Бросаю взгляд на Уильяма. Он спокойно смотрит в окно.

— Даже не спросите, откуда они знают, какой кофе я пью? — не выдерживаю я.

Он оборачивается и улыбается.

— Думаю, вы сами знаете ответ, мисс Морель.

Значит, всё-таки изучали. Я решаю пока больше ничего не спрашивать.

* * *

Самолёт приземляется спустя несколько часов.

Я осторожно спускаюсь по трапу и вдыхаю полной грудью. Воздух тёплый, солёный, густой — совсем не такой, как в Нью-Йорке. Впервые за долгое время я позволяю себе расслабиться. Хотя бы чуть-чуть.

Больше не надо натягивать тяжёлое пальто и ботинки и мёрзнуть по дороге на работу. Кажется, у этого острова всё-таки есть ещё один плюс. Пока что.

Я оглядываюсь. Океан слепит бликами, влажный жар поднимается от нагретых плит причала, где-то за пальмами хрипло кричит птица — и впервые за долгое время всё это не кажется мне угрозой.

Безопасность на территории Сент-Веспера. Умышленное лишение жизни любого лица, находящегося на территории Сент-Веспера, не допускается независимо от его статуса, положения, гражданства либо цели пребывания на острове. Настоящее положение является безусловным и не предусматривает каких-либо исключений.

— Договор, пункт 8

Глава 5. Уже начинаю его недолюбливать

Ева Морель

Когда самолёт заходил на посадку, я успела рассмотреть остров целиком. Небольшой, но просторный. Очень зелёный: пышные пальмы, неприступные скалы, идеально подстриженные газоны, россыпь красивых вилл, бассейны и яхты, выстроившиеся вдоль берега. А вокруг — бескрайний голубой океан.

У трапа нас уже ждёт мужчина в белой рубашке, чёрных классических брюках и чёрной жилетке. Он забирает мой чемодан, провожает к гольф-кару и везёт к вилле. Уильям, едва мы сошли на землю, пересаживается в другой кар и сообщает, что появится минут через пятнадцать: у него срочное дело.

Меня проводят в мой номер. Точнее, в отдельную виллу.

Живу я подальше от основных гостей — что, в общем, логично. Но, как выясняется, и не рядом с хозяйственными корпусами, где размещён остальной персонал.

Что за привилегии? Подумаю об этом позже. Или спрошу.

Пока у меня есть несколько свободных минут до возвращения Уильяма и экскурсии по острову.

Всё здесь именно такое, каким должно быть на частном острове для избранных: светлый камень, натуральное дерево, стекло, мягкие диваны и невероятное количество воздуха. Ни золота, ни вычурности, ни показного блеска. Здесь не пытаются доказать, что всё дорого. Это понятно и без слов: по качеству материалов, безупречной простоте линий и тому, как естественно всё сочетается друг с другом.

Свет свободно льётся сквозь панорамные окна и ложится широкими полосами на каменный пол. В воздухе едва уловимо пахнет океаном, смешанным с тонким ароматом дерева.

На первом этаже — гостиная, небольшая, но идеально оборудованная кухня и гостевая ванная. В гостиной стоят кожаные диваны нейтральных оттенков и низкий столик из цельного куска дерева. Ничего лишнего: ни безделушек, ни картин, отчаянно борющихся за внимание. Только несколько тщательно подобранных деталей, зелень в больших керамических вазах и вид за окнами, который сам по себе заменяет любой декор.

Лестница из тёмного дерева ведёт вверх, к спальне и кабинету — таким же светлым, просторным и тихим. Из окна открывается вид на сад. Сквозь густую зелень, пальмы и цветущие кусты виднеется тонкая полоска бирюзы, почти сливающаяся с небом.

Я выхожу на террасу.

Тёплый камень за день напился солнцем и теперь отдаёт его мягко, как ладонь. Два глубоких кресла, столик и лежак, на котором, кажется, можно провести целый день, забыв о существовании часов. Чуть дальше — собственный бассейн. Вода в нём почти прозрачная и неподвижная, только иногда по ней пробегает рябь от ветра.

Здесь так тихо, что слышен лишь далёкий шум волн. Ни соседей за стеной, ни случайных прохожих, ни городского гула. Только дом, сад и океан.

И впервые за долгое время мне кажется, что уединение может быть не одиночеством, а роскошью.

Ровно через пятнадцать минут, как по таймеру, появляется Уильям, и мы отправляемся на экскурсию. На этот раз за рулём он сам.

Он показывает мне основные постройки, полноценную клинику острова, отдельно мой личный медицинский кабинет и множество других мест. А ещё — охрану. Её здесь очень много. Слишком много.

У административного корпуса Уильям знакомит меня с начальником службы безопасности. Мартин Крейн — сухой, прямой, как линейка, с безупречной осанкой. Рукопожатие

выходит слишком коротким, а взгляд — слишком цепким для человека, который просто здорова­ется с новым врачом.

Но больше всего меня интересует одна часть острова. Она совсем недалеко от моей виллы, но попасть туда без личного разрешения Александра Вейла не может никто. Это его территория.

Хотя, если задуматься, вся территория здесь принадлежит ему. Просто эта часть — особенно закрытая.

Запретное ведь всегда манит, — думаю я и невольно улыбаюсь.

— Уильям, у меня ощущение, что меня здесь изучили лучше, чем я сама себя.

— Это возможно.

Я поворачиваюсь к нему.

— Это должно было меня успокоить?

— Нет.

Прищуриваюсь.

— Вы вообще когда-нибудь говорите нормальные вещи?

— Только по праздникам.

Меня разбирает смех. Уильям тоже широко улыбается.

Несмотря на то что он многое недоговаривает, он мне нравится. Вызывает доверие. А уклончивые ответы, думаю, объясняются исключительно тем, что ему так велели.

— Я читала про его отели и фонды. Что он за человек, Александр Вейл? — решаю наконец спросить я.

Пауза.

— Ваш работодатель.

— Тогда почему он сам со мной не разговаривает?

— Потому что мистер Вейл редко делает то, чего от него ждут.

Мне доводилось встречать немало влиятельных людей. Работа в хорошей клинике этому способствует. Но обычно они начинали действовать мне на нервы после знакомства. А этот умудрился сделать это заранее.

— А почему мне дали отдельную виллу?

— Так решил мистер Вейл.

— Почему?

— Он редко объясняет свои решения.

— Уже начинаю его недолюбливать.

Уильям улыбается.

— Вы с ним ещё не знакомы.

— Именно поэтому у меня пока есть преимущество.

Уже сейчас я начинаю понимать, какая же важная заноза этот Александр Вейл. Мы точно не сработаемся. Не то что три месяца — кажется, даже если бы речь шла о целой жизни.

Я его ещё даже не видела. А он уже каким-то образом умудрился вывести меня из себя.

Глава 6. Кажется, мы нашли ещё одно правило

Александр Вейл

Я бросаю взгляд на часы, потом на экран планшета: карта острова, россыпь точек по периметру охраны. Ветер слабый, океан спокойный, погода идеальная. Причин для задержки самолёта нет.

Я всё равно проверяю время ещё раз. Не потому, что волнуюсь за перелёт, — просто не люблю ждать. Особенно человека, появление которого сам же организовал.

— Ещё раз проверьте систему безопасности и осмотрите виллу, — говорю я, не отрывая взгляда от экрана. — Периметр, камеры, входы, резервное питание. Полный отчёт мне нужен до того, как доктор Морель останется там одна.

Передо мной стоят четверо охранников.

— И ещё.

Они синхронно поднимают головы.

— Проверьте, чтобы в доме не осталось ничего лишнего. Никаких документов, посторонних вещей, доступа к закрытым каналам. Найдёте — уберите.

— Да, мистер Вейл.

— Каждый отвечает головой.

Фраза звучит спокойно. Именно поэтому её понимают правильно.

Они кивают и выходят. Дверь закрывается почти бесшумно.

Сегодня у меня выходной. Если, конечно, он вообще существует, когда ты отвечаешь за целый остров, пару-тройку компаний, несколько сотен сотрудников и периодически следишь за тем, чтобы люди с большими деньгами и маленьким терпением не решили перестрелять друг друга.

Дел на самом деле меньше обычного. Или мне просто меньше всего хочется, чтобы они были.

На столе ждёт папка, которую я обещал просмотреть ещё утром. Рядом стоит чашка кофе, остывшего так давно, что пить его уже бессмысленно. Я беру её, смотрю пару секунд и ставлю обратно. Редкий случай, когда даже кофе не заслуживает второго шанса.

С высоты кабинета остров выглядит как исправный механизм: гольф-кары ползут по расписанию, катера у причала стоят носом к волне, персонал в белом мелькает между виллами, как отлаженные шестерёнки. Слишком мирная картина. Именно поэтому я ей не доверяю.

Эту тишину держит одно-единственное правило. Я слишком хорошо помню, что бывает, когда его нарушают.

Самолёт садится в начале четвёртого. Я узнаю об этом раньше, чем мне успевают доложить. И не отвечаю, когда доклад всё же приходит: на экране мигает точка её гольф-кара, что ползёт к вилле по аллее среди пальм.

Потом я заставляю себя вернуться к бумагам.

Дверь открывается без стука. Уильям. Я вижу по его лицу, что экскурсия закончена, ещё до того, как он закрывает за собой дверь.

— Доктор Морель в медицинском кабинете, — сообщает он. — Осматривается.

Я киваю. Почему-то первая мысль — не о том, как она добралась, а о том, понравилась ли ей вилла.

Странная мысль. Я отбрасываю её так же быстро, как она появилась.

— Ты всё ей рассказал? Правила, ограничения, договор?

Уильям уже собирается ответить, но задерживается. Я замечаю это сразу.

— Что?

— Она задаёт слишком много вопросов.

Я едва заметно улыбаюсь. Именно этого я и ожидал.

— Каких?

— Всех.

Смотрю на него поверх папки.

— Это не ответ.

— Кто отвечает за безопасность. Почему ей нельзя заходить в определённые зоны. Кто имеет доступ к вилле. Почему она не может сама покинуть остров.

Уильям делает короткую паузу.

— И почему ты сам с ней не встретился.

Я молчу. Несколько секунд слышен только приглушённый шум кондиционера.

— Что ты ответил?

— Что ты занят.

— Разумно.

— Тогда она спросила, чем именно.

Усмехаюсь.

— И что ты сказал?

— Что это не её дело.

На этот раз улыбка выходит откровенной.

— Хорошо.

Уильям качает головой.

— Она всё равно вычислит.

— Что именно?

— Кто ты такой.

Я закрываю папку.

Доктор Ева Морель. Двадцать семь лет. Хирург. Отличная подготовка. Безупречная репутация. Достаточно хорошая карьера, чтобы выбирать место работы, а не хвататься за первое предложение.

И всё же она согласилась приехать сюда. На закрытый остров, к человеку, которого невозможно найти в открытом доступе. На три месяца.

До сих пор не до конца понимаю почему.

Она задавала слишком мало вопросов до подписания договора и слишком много после. Не самая логичная последовательность.

Возможно, именно поэтому она мне и интересна.

— Она ещё что-нибудь спрашивала? — произношу я.

Уильям смотрит на меня с выражением, которое я знаю слишком хорошо.

— Хочешь знать?

— Я задал вопрос.

— Спрашивала, женат ли ты.

Я поднимаю взгляд.

— И что ты ответил?

— Что она может спросить тебя сама.

— Правильно.

Он явно сдерживает улыбку. Я откладываю планшет.

— Иди.

Уильям направляется к двери, но останавливается.

— Александр.

Смотрю на него.

— Она производит впечатление человека, который не выносит, когда от него что-то скрывают.

— Я заметил.

— Тогда будет интересно.

Он уходит. Дверь захлопывается.

Я встаю и подхожу к окну. Где-то там, среди деревьев, сейчас находится женщина, которая ещё не знает: правила Сент-Веспера написаны не для обсуждения. И которая, похоже, уже решила начать именно с этого.

Если она хочет знать, кто я, нет смысла заставлять её ждать. К тому же мне и самому стало любопытно, какой она окажется при личной встрече.

Я выхожу из кабинета.

Пора знакомиться.

Ева Морель

После экскурсии Уильям отвозит меня в медицинский кабинет, чтобы я спокойно всё осмотрела, подготовилась и уже потом отдыхала. Впереди ещё воскресенье, а с понедельника — работа.

Кабинет оказывается просторным и совсем не похожим на обычные медицинские: вместо холодных белых стен — светлые деревянные панели, ряд плетёных кресел для ожидания и запах эвкалипта вместо привычного больничного хлора. Никаких безжалостных ламп дневного света: мягкий свет спрятан в потолке и стеновых нишах, а днём комнату заливает солнце из высоких окон. За стеклом — зелень острова и полоска океана, так близко, что на мгновение забываешь, зачем пришёл.

Это чтобы не пугать богатеньких?

Оборудование почти не бросается в глаза: аппаратура встроена в мебель или спрятана за гладкими фасадами шкафов. На одной из стен — большой экран, рядом несколько приборов, назначение которых с первого взгляда не определить. Всё выглядит дорого и безупречно чисто и при этом совершенно не напоминает операционную. Даже кушетка больше похожа на кожаный диван, чем на больничную каталку.

Впрочем, стоит присмотреться, и всё становится ясно: это медицинский кабинет. Просто такой, где считают, что человек не обязан чувствовать себя больным только потому, что пришёл к врачу. Для людей, привыкших, что даже вертолёт должен выглядеть уютно, укладывать пациентов на холодный металл было бы дурным тоном.

Я как раз осматриваю шкаф с медикаментами, когда в дверь стучат.

Несмотря на то что она открыта.

Оборачиваюсь и вижу мужчину. Высокий, широкоплечий, крепкий — сразу видно, что следит за собой.

Чертовски привлекательный.

Что?

То есть... очень эффектный.

На нём широкие спортивные штаны и простая футболка, подчёркивающая рельеф тела. Тёмные волосы слегка растрёпаны: он явно не тратил время на то, чтобы их уложить. И всё равно выглядит так, словно именно здесь находится хозяин всего вокруг.

Тёмные глаза. Спокойный взгляд. Слишком спокойный.

Он смотрит на меня внимательно, не спеша, и, кажется, уже успел сделать выводы. Стоит, привалившись плечом к косяку, руки скрещены на груди — ни малейшего движения, ни тени беспокойства.

От него веет холодом. Не агрессией, не угрозой — абсолютной уверенностью человека, для которого мир привык подстраиваться. Мне становится не по себе.

— Добрый день! Чем могу помочь? — спрашиваю я незнакомца.

— Я болен, доктор, — холодно чеканит он.

— Отлично.

Пауза.

— То есть плохо. Расскажите, что вас беспокоит.

— То тут, то там. Везде понемногу.

Уголки его губ едва заметно поднимаются.

Решил поиграть? Хорошо. Поиграем.

— Садитесь. Я дам вам лекарство, — говорю уже без особой вежливости.

— Не стоит. Я возьму сам.

Мои брови не ползут вверх. Они взлетают.

Я перекрываю ему дорогу, выставив руки, и, чуть повысив голос, говорю:

— Не смейте здесь ничего трогать, кто бы вы ни были. Раз вы гость на острове, просто сядьте и не нарушайте правила.

Кто он вообще такой? Как смеет распоряжаться в медицинском кабинете, как у себя дома? Какими бы деньгами ни обладал человек, он должен понимать, кто здесь врач, а кто пациент.

Но мужчина даже не морщится. Спокойно отодвигает меня в сторону, подходит к шкафу, открывает его и достаёт таблетку от головной боли.

Я смотрю на него несколько секунд.

— Голова болит? — наконец язвительно спрашиваю я. — Могу сделать так, что она взорвётся. Таково будет моё лечение.

Он оборачивается и смотрит прямо на меня.

— Вы всегда разговариваете с работодателем в таком тоне?

Я на секунду открываю рот.

Работодателем?

И тут ловлю его взгляд. В нём нет ни раздражения, ни злости. Только что-то едва уловимое, похожее на интерес. Совсем крохотное, но я успеваю заметить.

В голове медленно складывается картина. Высокий. Спокойный. Хозяин острова. Человек, о котором Уильям предпочитал не рассказывать. И ещё — мой работодатель.

— Вы...?

Уголки его губ чуть приподнимаются.

— Александр Вейл.

Несколько секунд я просто смотрю на него.

Конечно. Кто ещё мог без разрешения открыть шкаф в чужом кабинете, взять оттуда лекарство и остаться абсолютно невозмутимым?

— Прекрасно, — наконец говорю я. — Значит, это вы.

— Судя по вашему лицу, вы ожидали кого-то другого.

— Если честно? Человека, который хотя бы умеет представляться, прежде чем красть лекарства.

— Это не кража. Я взял одну таблетку.

— Без разрешения.

— Я владелец острова.

— А я врач. И это медицинский кабинет.

Он какое-то время молчит, а потом едва заметно улыбается.

— Вы читали правила, доктор Морель?

Я хмурюсь.

— Разумеется.

— Все?

Небольшая пауза.

— Практически.

— Именно этого слова я и опасался.

Скрещиваю руки на груди.

— Если вы собираетесь устроить мне экзамен по договору, предупреждаю: я приехала работать врачом, а не сдавать вступительные экзамены в вашу личную империю.

— Тогда, возможно, стоит начать с самого важного.

— И какое же оно?

Он смотрит на меня совершенно спокойно.

— На Сент-Веспере нельзя убивать.

Я моргаю.

— Простите?

— Вы всё правильно услышали.

Несколько секунд я молчу, пытаюсь понять, шутит он или нет.

— И это считается нормальным правилом?

— Сегодня вы спросили Уильяма про оружие. Я решил, что вам полезно знать.

— Вообще-то оружие как раз указано в правилах.

— Значит, до этого пункта вы дошли.

— Да.

— А до следующего?

Я замолкаю.

Он приподнимает бровь.

— Так и думал.

— Я была немного занята тем, что пыталась понять, зачем вы вообще наняли меня на три месяца и почему при этом можете запереть на острове.

— Как видите, у вас осталось время на остальные правила.

— Например, на «не убивать»?

— Именно.

Я качаю головой.

— Удивительное место.

— Вы только начали знакомство.

— Это угроза?

— Предупреждение.

— Какая забота.

На его губах появляется едва заметная улыбка.

— Привыкайте, доктор Морель. Здесь я предпочитаю, чтобы люди оставались живы.

— Какое щедрое обещание от человека, который пять минут назад вытолкнул меня из моего же кабинета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.